

М.В. Лескинен

Великоросс / великорус

Крестьянин,
плетущий лапоть

Жница

Рыбак
и разносчик дичи

Из истории
конструирования
этничности.
Век XIX

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
грант № 16-01-16048д

Исследование выполнено при поддержке грантов:

International Association for the Humanities (IAH)/
Международной ассоциации гуманитариев (МАГ)
по теме «Этническая идентификация великорусов в процессе
конструирования “русскости”: стратегия и практика» (2011–2012);

Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
по теме «“Великорусы” в отечественной историографии второй половины
XIX века: историко-этнографическая аргументация в процессе формирования
русской национальной идентичности» (проект № 13-01-00078а)

Рецензенты:

д.ист.н. А.В. Буганов
д.ист.н. М.А. Робинсон

**Лескинен М.В. Великоросс/великорус.
Из истории конструирования этничности. Век XIX. —
М.: «Индрик», 2016. — 680 с., ил.**

ISBN 978-5-91674-396-8

В монографии представлена реконструкция ключевых понятий, научных теорий и идей, с помощью которых осуществлялось создание концепта «великорусы» в российской научной и популярной этногеографической литературе XIX в. История формирования признакового поля великорусской этничности как «господствующего русского племени» анализируется через процедуры классификации и сравнения с другими племенами (славянскими, восточнославянскими и финскими) по ряду признаков: язык, расовый/этнический тип, этнический нрав/характер. Рассмотрены также: эволюция представлений о границах пространства Великороссии/Великой России и трансформация содержания этнонимов, применявшихся для наименования великорусов. Показан процесс вербальной и визуальной концептуализации «великорусскости» в репрезентациях русских народов Российской империи периода нацистроительства.

ISBN 978-5-91674-396-8

© Текст, Лескинен М.В., 2016

© Оформление, Издательство «Индрик», 2016

Содержание

Введение	11
Глава 1.	
Понятие «Великая Россия» и номинации славянского народа Империи в контексте исторических европейских народоописаний эпохи Просвещения	49
В Европе	49
В России	52
О россиянах и русскости в XVIII веке. Круг первоначальных гипотез	60
Понятия «Великая Русь/Великая Россия» в географии российского Просвещения	62
Глава 2.	
Пространственные пределы и этнонимические вариации. Имя и локус	87
<i>Параграф 1.</i>	
<i>Великая Россия. Границы и дефиниции</i>	87
Географическая номенклатура и единицы территориального деления в конце XVIII – XIX веке. Попытки структурирования	87
Территория Великой России в первой половине XIX века	92
Великороссия и великороссийские губернии. Новые трактовки	101
Великая Русь/Великая Россия в системе составной хоронимики Руси/России	107
Великороссийские губернии в официальных административных номинациях	112
Научно-популярная и учебная литература. Великорусский край и губернии	115

Параграф 2.

<i>Символическая география и ее влияние на трансформацию этнонима: великороссиянин, северный росс/севернорусс, великоросс/великорус</i>	124
---	-----

<i>Север/юг, запад/восток в символической географии и их влияние на характеристики обитателей и этноминации</i>	125
---	-----

<i>Велико- и малороссияне</i>	133
-------------------------------------	-----

Глава 3.

Языки и/или наречия. Борьба за место в иерархии	155
--	-----

Параграф 1.

<i>Теории и принципы лингвистической классификации</i>	155
--	-----

<i>Лингвистическая таксономия и классификации славянских языков/наречий</i>	157
---	-----

<i>Славянские языки в системах лингвистических классификаций. 1840-е – 1850-е годы</i>	170
--	-----

<i>Классификация говоров великорусского наречия</i>	179
---	-----

<i>Русский язык и великорусское наречие в этнографической литературе</i>	188
--	-----

<i>Идентификация этнической принадлежности по языку. Практический ракурс</i>	193
--	-----

<i>Язык как критерий этнической принадлежности. Опыт переписей</i>	197
--	-----

Параграф 2.

<i>Малороссийский язык или малорусское наречие?</i>	203
---	-----

<i>Малороссийское и великорусское наречия в популярных трактовках</i>	211
---	-----

<i>Позиция языка, наречия и говора в языковой иерархии как обоснование исторического статуса народа</i>	215
---	-----

<i>Дискуссия о происхождении малороссийского языка/наречия</i> ...	220
--	-----

<i>Некоторые последствия дискуссии о статусе языка/наречия в конце столетия</i>	227
---	-----

<i>Признание условности лингвистической номенклатуры</i>	230
--	-----

<i>Ученые между наукой и политикой</i>	233
--	-----

Глава 4.	
Великоросс/великорус	
в этногеографической номенклатуре.	
Расовые теории и проблема великорусской крови	259
Цивилизационно-историческая классификация	261
Исторические/неисторические народы.	265
Расовые классификации народов	
и проблема великорусского антропогенеза	271
<i>Расовые теории в российской антропологии XIX века</i> . . .	271
<i>Гипотезы происхождения финно-угров</i>	274
<i>Ассимиляция и метисация</i>	278
Восточные славяне и проблема метисации:	
идеологические причины и последствия	294
Теория Франчишека Духиньского	
о туранском происхождении великорусов	297
Метисация как неизбежное следствие колонизации	306

Глава 5.	
Нрав/характер «северного росса»/великоруса	
в компаративных этнографических репрезентациях.	
Дискуссия о русской нравственности	337

<i>Параграф 1.</i>	
<i>Характер как этнический признак. Черты великоруса</i>	
<i>в сравнительно-историческом ракурсе</i>	337
Общие значения понятий нрав/характер	337
Отличительные этнические свойства славян	
с точки зрения европейцев XVIII столетия	344
Характер русского/великоруса в компаративистских очерках . . .	347
Русские как славяне	347
Великорусы как славянское племя:	
эволюция представлений в 1830-х – 1890-х годах	353
Великорус/малорус: основополагающее	
сравнение племенных типов	371
Особенности великоруса как «северного русского»	386
Великорусский характер в изображении историков	389
Нрав великоруса в этнографических репрезентациях.	395

<i>Параграф 2.</i>	
<i>Проблема соотношения нрава и нравственности русских/великорусов. Теория и практика</i>	402
Народная нравственность в трактовке историков	402
Образ «своего» через «чужого».	
Система скрытых сопоставлений (финский образец).	405
Объяснения честности/нечестности как этнического свойства	413
Дискуссия о русской нравственности	415
 Глава 6.	
В поисках репрезентативного великорусского типа и идеального образа.	
Фенотип и его визуальные воплощения	453
Традиции визуализации этнического в XVII–XIX веках	453
Русские «типы».	
Вербальные и визуальные изображения великоруса	456
«Физиономия» народа.	460
Дефиниции «типа»	464
Описания жителей великорусских губерний в 1850-х годах.	
Локальное/социальное/этническое	478
Понятия «тип» и «типичное» в 1860-х – 1900-х годах.	
Трансформация методов	484
Этнографический и физический типы	487
Визуализация типов. Великорусы	491
Дискуссия о великорусском типе в связи с Этнографической выставкой 1867 года в Москве	498
Полемика о типе и типичном в этнологии	504
Образ великоруса	
в этнографической литературе и в иллюстрациях	512
Иерархизация региональных типов в процессе выбора репрезентативного варианта великорусской этничности	522
И снова к антропологии...	
Проверка строгими научными методами	544

Глава 7.

«Волга – русская река».

Формирование и аргументация концепта 575

Реки России в истории государства и этноса 576

Русские реки в аллегорических воплощениях 577

Волга в географических словарях и энциклопедиях.

Параметры репрезентации и формирование клише 580

Административное деление Поволжья 583

Волга между Европой и Азией. Граница или связующее звено? .. 590

Европа и Азия 591

Точки Азии на Волге 594

Мотивы благоденствия и изобилия 598

Волга в учебниках и литературе для детей 603

Волга А.Н. Пыпина 610

Волжский регион. Типичный или особенный? 612

Когда же стала Волга русской рекой? 617

Эстетическая пейзажная функция Волги 622

«Громадное значение Волги

в жизни великорусской народности неисчислимо» 624

Ассимиляция великорусов и инородцев

в Поволжье и России. Проблема нациестроительства 630

«Русский Нил» В.В. Розанова 632

Заключение.

Идентификация великороссов/великорусов

в процессе конструирования русскости 655

Приложения

Таблица 1. Состав великорусских и центральных губерний

в первой половине XIX в. 668

Таблица 2. Состав великорусских и центральных губерний

во второй половине XIX в. – первых десятилетиях XX в. 670

Список иллюстраций 673

Глава 1

Понятие «Великая Россия» и номинации славянского народа Империи в контексте исторических европейских народоописаний эпохи Просвещения

В Европе

Для XVIII в. характерны попытки, с одной стороны, создать научные классификации природного мира, включая человеческие сообщества, а с другой – упорядочить сам процесс наблюдения над ним. По словам М. Фуко, «классическая эпоха дает истории совершенно другой смысл: впервые установить тщательное наблюдение за самими вещами, а затем описать результаты наблюдения в гладких, нейтральных и надежных словах. ...Кабинет естественной истории и сад... замещают круговое расположение вещей по ходу “обозрения” установлением их в “таблице”»¹. Системный подход эпохи Просвещения породил увлечение различными классификациями, в том числе теми, которые могли бы выявить пространственные (географические и климатические) и временные (исторические) закономерности распределения разнообразия человеческих сообществ, включая их иерархии по отдельным признакам – по образцу ботанических и зоологических таксономий. Координата времени еще никак не связана с представлениями об эволюции, поскольку развитие природных форм понималось не как совершенствование, а как видоизменение. Главными методами естественно-научного познания стали: наблюдение (его результат – дескрипция (по признакам) и структура, разрабатываемая в сравнении различных элементов формы друг с другом) и эксперимент. При этом, как отмечает Ю.И. Семенов, если наблюдение в естественно-научном познании предполагает обязательное невмешательство человека-исследователя в протекание объективных (природных) процессов, то эксперимент вполне его допускает². Исследование человеческих сообществ осуществлялось как изучение любого природного объекта и, таким образом, должно было основываться на жесткой дистанцированности исследователя, что на практике было невозможно, поскольку тот

или иной, даже поверхностный контакт оказывался неизбежным. Но в ситуации XVIII в., когда не был еще установлен ответ на вопрос, относятся ли вполне к человеческому роду представители изучаемых («диких») народов, – объект как до, так и во время наблюдения не воспринимался как равноправный участник вербального диалога или невербального контакта.

Набор отличительных особенностей Другого был известен: это внешние черты, устанавливаемые наблюдением, и те, которые можно определить как функциональные, связанные с социальной жизнью. М. Фуко отмечал, что «естественная история – это не что иное, как именование видимого. Отсюда ее кажущаяся простота и та манера, которая издавна представляется наивной, настолько она проста и обусловлена очевидностью вещей»³. Поэтому фиксация устройства, форм и видов взаимодействия внутри изучаемых социальных организмов различных племен вначале понималась как доступная видению и обнаруживаемая непосредственно. Новым для той эпохи можно считать лишь: а) некоторую детализацию методов анализа – отдельные феномены все же нуждались в реконструкции, и б) стремление определить утраченные в ходе эволюции состояния: облик вымерших существ и древнее прошлое народов.

Труды французских энциклопедистов (Ш. Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо, К. Гельвеция, Вольтера), немецких и английских философов (прежде всего И. Канта, Д. Юма, И.Г. Гердера), вопреки общепризнанному мнению, не отличались оригинальностью с точки зрения содержания излагаемых сведений о проявлениях этнического разнообразия, но в них осуществилось переосмысление его истоков и ранних форм, благодаря которым была заложена основа новых (рациональных и внебиблейских) представлений о принципах описания, методах исследования племен и народов. Разделение народов на цивилизованные и нецивилизованные («дикие») в некотором смысле заменило прежнее противопоставление христиан и нехристиан, включив дополнительные критерии идентификации, такие как наличие общественной организации (высшей формой которой объявлялось государство) и право. Гердер был уверен, что истинная цивилизация состоит «не только в даровании законов, но и в воспитании нравов»⁴. Эта общая классификация стала универсальной, поскольку могла быть применима как к европейским народам, в той или иной степени входящим в орбиту христианского мира, так и к тем, принадлежность которых к человеческому роду вызывала сомнения⁵. Соответственно, все вариации человеческих сообществ могли быть распределены по стадиям. Воплощением этой стадильности стало отождествление жизни человека с историей общества, а метафорой – этапы жизненного цикла.

А.Н. Пыпин полагал, что из всех деятелей Просвещения лишь Вольтер стремился уловить «народный дух» во внешних материаль-

ных формах быта. «Восемнадцатый век только предчувствовал важность данных о происхождении народов, об их быте и нравах, влияющих на политическое состояние народов и, следовательно, на его историю. Вольтер... выразил эту попытку своего времени всмотреться во внутреннюю жизнь народов, в собственно народное мировоззрение и быт, составляющие теперь основной предмет этнографии»⁶. В этом отношении Вольтер вовсе не был новатором, ведь еще в XVI – начале XVII в. европейскими интеллектуалами-гуманистами и протестантами предпринимались неоднократные попытки определить своеобразие народов в различных областях жизни. Одной из сложных задач стало соотнесение национально-государственной общности и региональных, сословных этнокультурных вариаций быта и нравов. Это занимало создателей первых энциклопедий-лексиконов, в том числе немецкоязычных. Так, автор одного из масштабных «Лексиконов» XVIII в. (1740) И.Х. Цедлер, отмечая неоднозначность трактовки термина «нация», приводил спектр бытовавших значений (таких как сословие, объединение) и обосновывал этнические признаки данной общности: «Она в собственном и исходном смысле означает не что иное, как определенную совокупность граждан, которые имеют одинаковые обычаи, нравы и законы», – а для именования территориально-государственных и политических групп применял понятие «народ»⁷.

Осуществляемые в XVIII в. попытки упорядочения разнородных явлений в природном пространстве привели к созданию естественно-научных классификаций, в частности К. Линнея и Ж.-Л. Бюффона. Наиболее важными чертами этих построений было распределение всех элементов живой природы по набору внешних признаков, а также внутривидовая иерархия, фиксирующая место существа в эволюционном процессе. Согласно этому образцу была выработана и классификация человеческого рода. Расы Бюффон дифференцировал по физическим признакам и, что очень важно, по свойствам «натуры»⁸, под которой он понимал «нрав». Однако Бюффон выстраивал иерархию народов (наций) и по другому принципу, учитывая способ социальной организации человеческого коллектива: «Нация, для которой не существует ни законов, ни установлений, ни повелителей, ни общества в привычном смысле слова, является уже не столько нацией, сколько бестолковым сборищем людей»⁹. На высшей ступени, по его мнению, находятся цивилизованные и просвещенные народы (народы Северной Европы), внизу – «совсем дикие» (американские племена) и «люди, более других похожие на зверей» (австралийские аборигены). В основе отнесения к цивилизованности/нецивилизованности лежало, таким образом, различие разумности/неразумности, а также сложности/простоты. Чем более сложен язык, законы, строй народа, тем более развитым он считал-

ся и потому был достоин занять высшее место в иерархии этносов. Таким образом, Бюффон в своих классификациях объединил исторические и пространственные признаки: разделил человечество на группы с точки зрения физических (т.е. чисто расовых) признаков, но для определения их места в общеэволюционной классификации обратился к социально-культурным критериям. В соответствии с убеждением в том, что европейцы опережают изучаемых ими представителей других культур в цивилизационном и духовном отношении, категории совершенства/несовершенства также воспринимались как вполне научные.

Философы и историки эпохи Просвещения в рамках основополагающего – цивилизационного – подхода, развивая идеи этнокультурных различий народов, использовали архаическую идею существования национальных характеров. Ш. Монтескьё ставил на первое место климат, который, по его мнению, определял «дух народа»; при этом соотношение пороков и добродетелей также оказывалось в строгой зависимости от природных условий¹⁰. К сторонникам решающего воздействия, формирующегося под влиянием политической организации, законов и воспитания общественного устройства на нравы народов относились Вольтер, Д. Юм¹¹ и К. Гельвеций¹². Срединную позицию занимал И.Г. Гердер, отождествлявший «душу народа» («народный дух») и характер. Не отрицая воздействия природных факторов на формирование «народного духа», он допускал влияние на него образа жизни и воспитания¹³.

В России

Идеи Просвещения определили развитие российской науки и общественной мысли XVIII в., в том числе и в области народоописаний. Первые в России описания «нравов и обычаев» народов стали важной вехой не только в процессе накопления научных материалов, но и в складывании тезауруса на основе выработанного французскими просветителями и немецкими философами восприятия категорий и представлений о «национальном». Вместе с ними было воспринято противоречие между просвещенческими декларациями о единой природе человека и утверждениями о многообразии народов в государстве (империи)¹⁴. Первые российские описания ограничивались «экзотическими» – нерусскими – народами, исследуемыми в процессе освоения «своего» пространства, определяемого с точки зрения государства, т.е. власти. Наблюдаемым этническим феноменам давалась оценка в зависимости от того, соответствует или не соответствует та или иная этническая группа требованиям «нормы», как она виделась просвещенным цивилизо-

ванным наблюдателям. Иначе говоря, даже безоценочное описание содержало в себе скрытое сравнение и неприятие. Сравнение могло осуществляться не только с образом жизни «цивилизованных» народов – довольно часто прибегали к сравнению со знакомым, известным: в этом качестве выступали «свои чужие» или соседние с описываемыми народы. Характерны в этом отношении описания племен в регионах со смешанным населением. Например, Г.Ф. Миллер писал, что «черемисы и чуваша много походят на татар...», «вотяки могут уподоблены быть финнам, потому что волосы на голове и в бороде почти у всех рыжие, напротив чего у черемисов и чувашей у большей части темно-русые»¹⁵; основные приметы родства финнов и вотяков выделялись в свойствах нрава (упрямство). Упоминая земледелие ижорцев, И.Г. Георги замечал, что «хозяйство... их не походит прямо ни на русское, ни на финское, но хуже того и другого»¹⁶. Такое «описание через отрицание» было характерно для естественных наук и зарождающейся этнографии XVIII в.

Все первые российские исследователи исходили из тесной взаимосвязи природы и человека, а точнее, народы – особенно окраинные – выделялись органической частью природных ресурсов территории. Различные группы подданных, несходные друг с другом ни по внешности, ни по образу жизни, ни по языку и религии, казались частью природного мира, воплощением своеобразной «физиономии пространства». Поэтому И.Н. Болтин видел главную задачу исследования Российской империи в том, чтобы определить, какие племена составляют «народ» (в значении «нация») государства и кто они, эти подданные, через выявление различий в «нравах, обычаях и богочтении»¹⁷. С этой целью необходимо было выработать определенный план описания – программы-инструкции для историко-этнографического отчета по Академической экспедиции 1733–1743 гг.¹⁸

Визуальные и вербальные описания осуществлялись одновременно, причем зачастую одними и теми же наблюдателями: ведь исследовать объект означало описать его с максимальной степенью точности. Следует отметить обстоятельство, которое выделяет Е.А. Вишленкова: «...изучение национальных языков в значительной степени было отделено от описания внешнего облика народов»; «“протоэтнографов” интересовали визуально познаваемые явления, а “протолингвисты” занимались сравнением языков, причем прежде всего их фонетического ряда»¹⁹.

Главным, хотя и наиболее сложным в определении критерием классификации народов немецкие ученые (А.Л. Шлёцер и Г.Ф. Миллер) считали лингвистический фактор. Язык и ранее служил самым надежным признаком этнической принадлежности. Одним из первых программу сравнительного исследования языков реализовал в 1710-х гг. Г.В. Лейбниц, правда исходивший из концепции языкового

родства немецких и славянских народов²⁰. Ему же принадлежит несомненная заслуга в разработке первой лингвистической системы, которую отечественный славист А.С. Мыльников именовал «лингвистической генеалогией» народов Европы, так как Лейбниц привлекал к ней как современные языки, так и мертвые и бесписьменные наречия. Язык не только мог служить критерием выделения группы в качестве отдельной этнической (региональной) или национальной (государственной) единицы, но и зачастую отождествлялся с народом, – причем иногда даже с историческим. Например, французский консул в Крыму Ш. Пейсонелль в сочинении «Исторические и географические замечания о варварских народах, населявших берега Дуная и Черного моря» (1765)²¹, отчаявшись разобраться в географической чересполосице и этнических смешениях жителей Восточной Европы, решил прибегнуть к спасительному, как ему казалось, и безошибочному признаку – языку, однако смог выделить лишь «язык венгров», «разновидность латыни» в Молдавии и Валахии и славянскую группу²².

Следующим этапом после установления места народа в таблице (дереве) языков было его разностороннее описание – подобно характеристикам других элементов природного мира, этнические сообщества подвергались детальному «осмотру» по определенному плану: происхождение и наименование, занимаемые территории, «телообразие, общенародные свойства, язык, нравы, одежда, суеверия и проч.»²³. Чрезвычайно важным признаком, дававшим основания для фиксации конкретного языка (наречия) как самостоятельного (что, впрочем, не исключало в последующих исследованиях выявления степени его близкого родства) оставалась номинация – эндоним общности. Именно на основании имени-самоназвания устанавливалось наличие самого этнического тела, т.е. физической реальности, формы его существования в истории, поскольку имя, как и язык, представлялось явной исторической и этнической константой.

Этнонимы, язык как этнический признак и способы его фиксации (путем описания и сравнения с другими) стали главными принципами этнографического описания у В.Н. Татищева²⁴. Примером реализации этих требований может служить его (незавершенное) «Общее географическое описание вся Сибири», где в разделе «о жителях сибирских» дана следующая языковая характеристика древнейшего населения: «Между древними находятся три языка: 1) сарматской, который во многом с финским, карельским, лапландским и т.д. согласен, 2) татарской или паче калмыцкой, 3) особой, что ни с которым из сих не опишется»²⁵. Согласно такому критерию, ученый разделял народы России на славянские, сарматские, татарские и «странноязычные» (не входившие в три предыдущие группы). В раз-

работанной Татищевым инструкции по описанию народов большую значимость, помимо языка, имели и другие признаки: вероисповедание (христиане, иноверцы, идолопоклонники, новокрещенные и др.), обычное право и нравственные добродетели, уровень знаний и суеверия²⁶, а также «состояние телес общественное»²⁷. В разделе «О жителях» «Введения к историческому и географическому описанию Российской империи» (1744) Татищев классифицировал народы по конфессиональной принадлежности важным критерием стал для него и принцип этногенетический – каждый из 42 перечисленных этносов он представлял как потомков известных по античной истории древних и легендарных племен и, исходя из этого, указывал на этническое родство отдельных групп²⁸.

Значимой чертой данного процесса самоидентификации можно считать формирование двух направлений, двух позиций в понимании соотношения «своего» (специфического) и «чужого» (универсально-цивилизационного)²⁹: патриотически-идеализирующего и научно-критического³⁰. Сторонники этих направлений отличались друг от друга зачастую (хотя и не всегда) этническим происхождением, образованием, но главным образом – видением места России в европейской цивилизации и значения Российского государства в европейской (в том числе современной) истории. Такая двойственность находила отражение прежде всего в научной сфере. Противостояние двух полюсов получит свое завершение, в частности, в одержанной в 1850-х гг. победе «русской» партии над «немецкой» в Академии наук и в РГО³¹.

Примером реализации иного – сугубо этнографического – плана репрезентации (в том числе визуальной) народов Империи становятся их характеристики, составляемые непосредственными наблюдателями-путешественниками, интересовавшимися этническим разнообразием населения (прежде всего неславянского) Российского государства. Именовавшийся коллегами «самоучкой» Г.Ф. Миллер составил себе для описания народов Сибири чрезвычайно детальную инструкцию «О истории народов» (1740), где было 1287 пунктов, из которых около 900 относились к характеристике «нравов и обычаев»³². Из них в опубликованный вариант отчета о путешествии вошло только восемь наиболее крупных разделов, содержавших сведения об особенностях обычного права («естественные» и «гражданские» законы), о религиозных взглядах и обрядах, языке и духовной культуре, чертах материального быта (жилище, пища, одежда, бычаи) и «качествах телесных и душевных»³³. Однако эти группы признаков не были сведены в иерархию. Важно отметить, что деятельность Миллера, как и других немецких ученых на русской службе периода академических экспедиционных исследований Империи, знаменовала собой новую для российской научной мысли тенден-

цию, которая отличалась от характерных для немецких и французских просветителей философских размышлений о разновидностях человеческой природы и способах познания «естественного человека» в духе «Рекомендаций для изучения диких народов» Ж.-М. де Жерандо³⁴). Эта новая тенденция, «выросшая непосредственно из прагматики этнографии»³⁵, оперировала такими категориями народоописания, которые не совпадали с господствовавшими ихотомиями Просвещения в отношении к Другим (дикость/цивилизация, прогресс/дегенерация, природа/история и др.)³⁶. Б. Шишло, анализируя известную полемику (вылившуюся в конфликт) между Миллером и Вольтером по поводу написания вторым «Истории России», усматривает ее как предопределенную «принципиально несхожими установками двух антропологий: абсолютной антиисторичностью одной и глубокой связью второй с историей и этнографией»³⁷. Можно согласиться с наличием у Г.Ф. Миллера стремления избегать оценочных суждений при констатации явлений, фактов и образа жизни изучаемых племен в целом³⁸ (например, он вовсе не употреблял понятие «дикие народы»³⁹).

Формы обобщения полученных сведений в географических компендиумах и учебниках второй половины XVIII – начала XIX в. свидетельствуют о том, что идея создания и внедрения стройной и таксономически организованной системы знаний о человеческих сообществах реализуется более в пространственных, нежели во временных категориях. Упорядочением видового разнообразия племен и народов «ведала» прежде всего география, хотя изменчивость человеческих сообществ в синхронии и диахронии не вызывала сомнений. Было очевидно стремление к расширению классификационных признаков. В «Новом и полном географическом словаре Российского государства» (1788) классификация народов Империи более детализирована: они подразделяются на разные «колена» (т.е. крупные этнические единицы) на основании языковой принадлежности и территории обитания, которых в общей сложности насчитывается 16, не считая выделяемых в отдельную разновидность так называемых иностранных народов, живущих в Империи. К славянским народам России составитель относил «россиян» и поляков. Аналогичная классификация с незначительными вариациями представлена и в «Обзрении Российской империи» (1788) С. Плещеева⁴⁰, и в «Лексиконе» (1788) Л. Максимовича⁴¹, и в «Географии» 1795 г.⁴², – впрочем, только в последней к славянским народам России добавлены «сербы, болгары и литва (смесь славян и финнов)»⁴³. Классификация народов Империи была представлена также и в масштабном «Новейшем землеописании всех четырех частей света» (1795), где в разделе статистического землеописания России содержалась иерархия этносов государства⁴⁴, однако она была связана не столько с пространствен-

но-климатическими факторами, сколько соотносилась с теориями лингвистического родства и этногенеза древнего населения Европы. Этноисторические гипотезы, как известно, интересовали многих российских историков XVIII в. Согласно принятой составителями и широко известной в середине XVIII в. концепции происхождения этнонимов «русь» и «россы»⁴⁵, население Московского царства образовали потомки двух основных племен («коренные народы России») – древние «славены» и «руссы» (финские племена, давшие имя государству)⁴⁶. Установление соотношения родственных этнических групп, особенно тех, общее происхождение которых было определено лишь по некоторым элементам культуры, зачастую осуществлялось произвольно. В основе классификации лежали признаки общности – этногенез, отчасти физический тип и язык, а также явная убежденность в значимости территориального единства, – зафиксированные европейской наукой того времени.

Получившее большую известность «Описание обитающих в Российской империи народов» И.Г. Георги (1776–1780)⁴⁷ в этом отношении стало дескрипцией более строгого характера, – оно представляло собой систематизированный свод сведений, предназначенный для образованного российского общества⁴⁸. Как известно, первоначально труд задумывался как комментарий к живописному альбому «Открываемая Россия» петербургского гравера К. Рота. «Костюмный» рисунок предшествовал написанию научного текста... и в этом отношении история создания трактата Георги открыто воспроизводит последовательность когнитивных процедур в человеческом восприятии мира»⁴⁹. В основание структуры описания Георги положил географо-лингвистический принцип, хотя в отношении некоторых этнических групп явно его нарушал. В первом русском переводе труда Георги рассмотрены три основные группы народов России: финское «племя», татарское «племя» и «самоядские, манджурские и восточные сибирские народы». Все народы, так же как и отдельные люди, по мнению автора, обладают особыми свойствами характера или темперамента, а также выраженной склонностью к некоторым психическим или физическим заболеваниям. Внешность Георги описывал, как правило, оценивая красоту женщин. Вероисповедание не являлось для него важным фактором классификации. Иерархия признаков этноса, по Георги, была схожа с миллеровской: язык, этноним, территория проживания народа, особенности материальной культуры (жилища, пища, одежда), основные вехи истории, внешние черты и нрав (характер).

Одновременно с выработкой принципов научного описания осуществлялась рецепция европейских научных терминов, определявших объект этнографических исследований⁵⁰, среди которых наиболее важную роль сыграли достижения немецкой школы наро-

доведения, тем более что среди российских членов Академии наук было много приглашенных немецких профессоров, одновременно продолжавших преподавательскую деятельность в европейских университетах (Г.Ф. Миллер, А.Л. Шлёцер, И.Э. Фишер, И.П. Фальк, П.С. Паллас). Именно под немецким влиянием определился ряд особенностей, обусловленных дифференциацией появившихся в 1770-х – 1780-х гг. понятий «Völkerkunde» («Ethnographie») и «Volkskunde» («Ethnologie»). Такое терминологическое различие ввел А.Л. Шлёцер; буквальный перевод термина «Ethnographie» как «Völkerbeschreibung» прижился в немецкоязычных работах российских коллег Шлёцера – Палласа и Мюллера. Эти названия трактовались как тождественные; лишь в эпоху романтизма их уточнили и противопоставили друг другу, разделив предметные области. Понятием «Völkerkunde» («Ethnographie») определялась наука о неевропейских народах и культурах; таким образом, задача виделась в показе «народов как людей»⁵¹. «Volkskunde» («народоведение») ограничивало поле исследований главным образом немецкоязычными народами, т.е. «своей» культурой. Характеристика народов в рамках географо-статистических описаний и доминирование в связи с этим регионального членения пространства и населения были восприняты в России из традиций немецкой статистики⁵². Термин «этнография» (эквивалент «Volkskunde»), появившийся в немецких сочинениях, понимался как описание свойств народа⁵³, населяющего ту или иную территорию. Чаще всего речь шла о так называемом физическом народоведении с данными о природных «способностях» и «склонностях» населения того или иного региона и физико-географических условиях его проживания.

Обращаясь еще к одному немаловажному аспекту представлений о народах – убежденности в существовании национального нрава (характера), следует отметить, что на уровне обывательских взглядов характерология (учение о национальных характерах) претерпела в то время весьма незначительные изменения в сравнении с предшествующими эпохами. Серьезные размышления о природе и эволюции «национального характера» (использовалось именно это словосочетание) содержатся, пожалуй, лишь у одного русского историка той эпохи – И.Н. Болтина. Критикуя видение истории России Н.Г. Леклерком, он подробнейшим образом разбирал его концепцию. Русского историка интересовали принципы выявления соответствий (как научных закономерностей) между телесным и душевным состоянием (т.е. характером) человека, климатом и историей⁵⁴. Полемизируя с французскими просветителями, Болтин пришел к заключению, что климат в любом случае наиболее важное условие складывания особенностей национального характера, а «законы, воспитание, примеры и навыки», как и «форма правления», вторич-

ны («частью только содействуют ему или по мере силы их и стечения более или менее действиям его препятствия творят»⁵⁵). Однако народный нрав может изменяться и под воздействием этих факторов, если их действие длительно и интенсивно (к этим же вторичным обстоятельствам Болтин, что интересно, относит и пищу). Сами перемены происходят, с его точки зрения, под влиянием «обхождения чужих народов»⁵⁶.

Х. Чеботарев в географическом описании России, напротив, стремился убедить читателей в том, что «различия душевных дарований земных жителей» «приписывать не должно самой их природе или климату, но большей или меньшей удобности, какую они имеют к просвещению своей души и очищению вкуса». Он подчеркивал равенство всех обитателей Земли в интеллектуальных способностях и нравственных свойствах, а «особенные нравы, обычаи, поведения и обыкновения», присущие всякому народу, рассматривал как следствие исторического и цивилизационного развития⁵⁷.

О широком распространении интереса к толкованиям национального характера, в частности русского, свидетельствует известный вопрос Д.И. Фонвизина к Екатерине II: «В чем состоит наш национальный характер?», содержащийся в третьей части «Собеседника любителей российского слова» (1783) в перечне «вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание». Ответом была следующая фраза: «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных»⁵⁸. Вера в «природные склонности» разных народов, сопряженные с климатом, нашла отражение и в «Наказе» (1767) императрицы⁵⁹. Вообще, описания русских и их нравов создавались под серьезным влиянием западноевропейских географических описаний или компендиумов, многие из которых переводились на русский язык и издавались в России. Так, из французской «Дорожной географии» можно было почерпнуть сведения о россиянах, которые «росту посредственного, плотные и сильные. Простой народ имеет склонность к вину, однако дворяне российские трезвы, учтивы, приятны к чужестранцам... и никакому европейскому народу не уступают»⁶⁰.

В целом можно утверждать, что в XVIII в. строгая и стройная система классификации еще не сложилась, принципы описания находились пока в явной зависимости от объема знаний о тех или иных народах – чем меньше сведений, тем в большем затруднении оказывался автор; а классификации зачастую бывали довольно произвольными. Впрочем, несмотря на отсутствие признаваемых всеми критериев этнической принадлежности, следует подчеркнуть, что перечень основных признаков в этот период уже зафиксирован: этноним, язык, внешний облик, занятия, обычаи, законы; ум, нравственность и характер (нрав), хотя еще без жестко определенной их иерархии.

Таким образом, этнографические описания российских народов во второй половине XVIII столетия можно определить как первичные; для их авторов были по-прежнему вполне равноценны сочинения античных авторов, путешественников, историков, философов, т.е. очевидцев и историографов в равной степени.

*О россиянах и русскости в XVIII веке.
Круг первоначальных гипотез*

В эпоху Просвещения тесная взаимосвязь человеческих сообществ с землей – «местообитанием» – стала важным критерием для определения своеобразия народа, заняв следующее по значимости место после языка. Иначе говоря, племя/народ «закреплялись» за определенной территорией, что, однако, очень затрудняло решение вопроса о родстве (языковом и племенном) и этногенезе. И все же самой трудной проблемой для современного исследователя являются не запутанные генеалогические отношения между племенами разных времен и пространств, которые непременно желали установить первоописатели XVIII столетия, а вопрос о том, в какой мере корректны рассуждения о соответствии этнонима реально существовавшей этнической общности – иными словами, в какой мере номенклатура того времени выступала именно как этнографическая, а не региональная, не сословная, не государственно-политическая. Например, современная исследовательница Е.Н. Вишленкова убеждена, что «...в просвещенческом дискурсе обозначения “росс”... “великоросс”, “россиянин” были не этнонимами, а знаками подданства»⁶¹.

Наиболее последовательные попытки обнаружить и осмыслить научными методами особенности русскости – в ее национально-государственном и этнографическом «воплощениях» – исследователи относят именно к XVIII в. К эпохе Просвещения восходит и изучение образованной частью общества истории русского языка, проблемы соотношения антропологического, языкового и самобытно-культурного факторов формирующейся национальной общности и идентичности. Выработка и интерпретация понятий, связанных с этим процессом, осуществлялись на протяжении всего столетия, особенно интенсивно – в период правления Екатерины II. Тогдашних ученых, собирателей этнографических сведений больше интересовали населявшие Империю нерусские племена и народы, – их описанием были заняты многочисленные научные экспедиции. Разработка содержания терминов «Русь», «Россия» и «русский», «российский» в трудах историков XVIII в. имела не столько исторический, сколько идеологический характер. Она также слу-

The monograph is devoted to the reconstruction of key terms, theories and images, through which the concept «Great Russians» was created at XIX cent. The chosen sources include Russia's scientific researches and texts of popular ethno-geographical literature and school textbooks. The history of the Great Russians, which was assessed as «the dominant Russian tribe» is implemented through classification's procedures and comparisons with other tribes (Slavic, Eastern Slavic and Finns) in several fields: the territory of Great Russia, the Great Russian's language, the racial/ethnic type, the ethnic nature/character - so as transformation of ethnonym «Velikoruss» and its variations. The process of verbal and visual conceptualization of «Great Russians» is analyzed on various ethnical representations of Russians (Eastern Slavs) in a nation-building period.